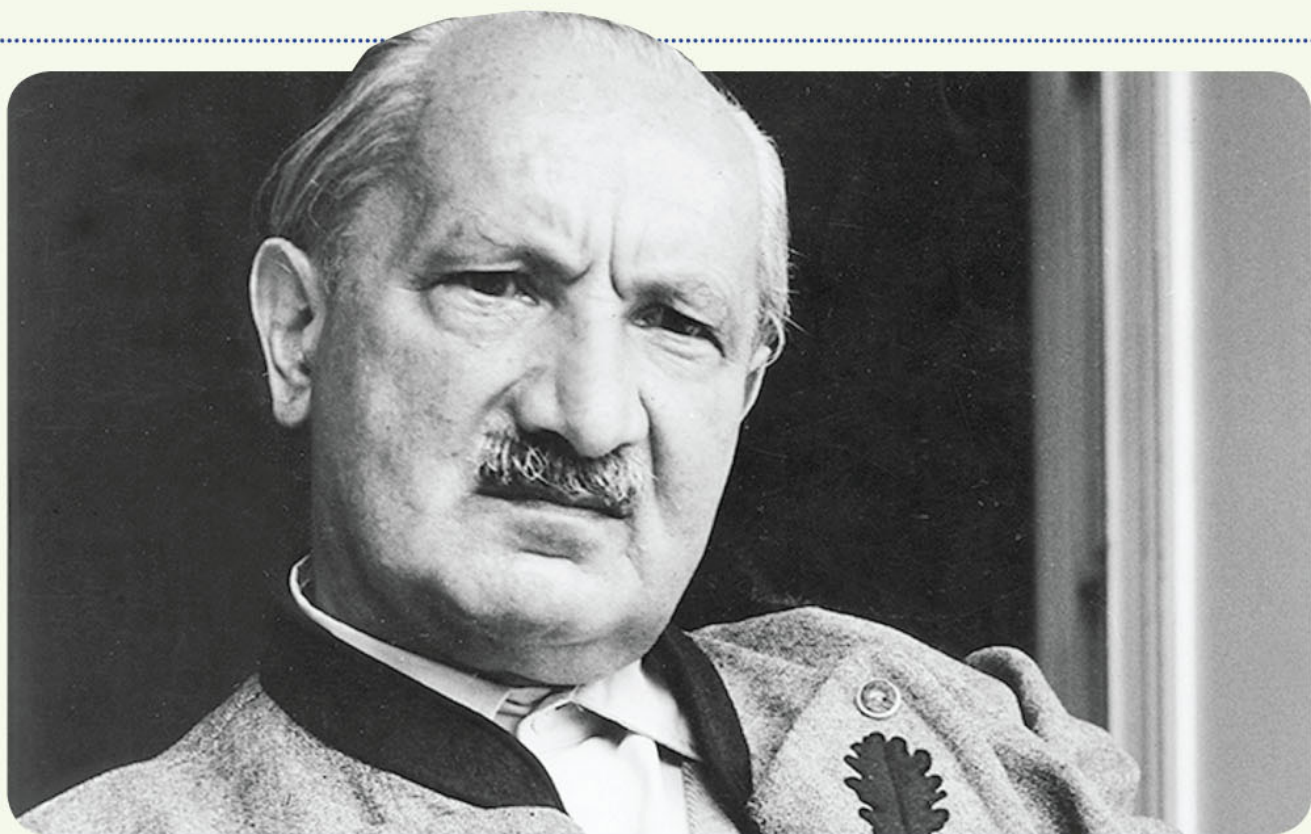

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ПОСТИЖЕНИЕ СМЫСЛА

А Л Е Т Е Й Я

Мартин Хайдеггер

Постижение смысла

«Алетейя»

1938–1939, 2009

УДК 165.62
ББК 87.3(4Гем)6

Хайдеггер М.

Постижение смысла / М. Хайдеггер — «Алетейя», 1938–1939,
2009

ISBN 978-5-00165-522-0

Данное издание представляет собой перевод 66 тома Собрания сочинений Мартина Хайдеггера – «Besinnung» («Постижение смысла») (1938/39), вышедшего только после смерти философа в составе более чем 100-томного собрания издательства «Vittorio Klostermann». Издательство представляет данную рукопись как основоположение философии «другого Начала», свойственной «позднему» Мартину Хайдеггеру. Она развивает идеи «Докладов к философии (О событии)» (том 65 Собр. соч.) и превращает их в основания нового постижения Бытия. Написанная в лесном изгнании, в секрете от любимых учеников, рукопись «Постижения смысла» выражает критику национал-социалистической диктатуры – отрицание национального подразделения народов в зависимости от их национальности. Главная мысль рукописи – прояснение смысла понятий философии «другого Начала». Издание 2-ое, дополненное В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 165.62
ББК 87.3(4Гем)6

ISBN 978-5-00165-522-0

© Хайдеггер М., 1938–1939, 2009
© Алетейя, 1938–1939, 2009

Содержание

I. Введение	6
1. Эпиграф из Периандра и Эсхила[1]	6
2. Иное мышление	7
3. Скачок	8
4. Стражи-хранители	9
5. Знание	10
6. Слово	11
6а. Мы не знаем целей...	12
6б. Здесь-бытие	13
7. ΑΛΗΘΕΙΑ	14
II. Скачок вперед в единственность пра-бытия[5]	15
8. К постижению	15
9. Махинативность (die Machenschaft)[7]	16
10. Завершение современности[10]	22
11. Искусство в эпоху завершения современности[12]	25
12. Изначальное мышление, которое создает готовность...	32
III. Философия	34
13. Философия	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мартин Хайдеггер

Постижение смысла

MARTIN HEIDEGGER

GESAMTAUSGABE

III ABTEILUNG: UNVERÖFFENTLICHTE ABHANDLUNGEN

VORTRÄGE – GEDACHTES

BAND 66

© А. В. Перцев, О. А. Матвейчев, перевод на русский язык, 2022

© Verlag Vittorio Klostermann (Frankfurt am Main), 2009

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

Дизайн обложки И. Н. Граве

* * *

I. Введение

1. Эпиграф из Периандра и Эсхила¹

μελέτα τὸ πᾶν.

*Periander*²

Охвати заботой сущее в целом.

Периандр

ἅπαντ' ἐπαχθῇ πλὴν θεοῖσι κοιρανεῖν

*Aischylos, Prometheus v. 49*³

Все тяготит, кроме единственного – власти над богами.

Эсхил. Прометей, стих 49

¹ H. Diels, Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch u. Deutsch. Fünfte Auflage, hrsg. v. W. Kranz. Bd. 1, Berlin 1934. Kap. 10, Die Sieben Weisen.

² H. Diels, Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch u. Deutsch. Fünfte Auflage, hrsg. v. W. Kranz. Bd. 1, Berlin 1934. Kap. 10, Die Sieben Weisen.

³ Aeschyli Tragoediae. Recensuit G. Hermannus. Editio altera. Tomus primus. Berolini 1859.

2. Иное мышление

Сперва возьми угли последнего жара благословения
Из темного очага пра-бытия,
чтобы они воспламенили встречное противничество-
ответствование на вызов:
божественность – человеческость в Одном.

Брось жгучую нужду в смелом просветлении
меж миром и землей как песнь
всех вещей – к созиданию
радостной благодарности по праву и достоинству.

Скрой в слове тихую весть
О скачке, совершенном через большое и малое,
и потеряй пустые находки
внезапных кажимостей на пути к пра-бытию.

Лето 1938

3. Скачок

Бери, бросай и таи,
и пусть будет скачок
из самого дальнего воспоминания
в какую-то не имеющую основы область:

Несешь ли ты от себя пред собой
Какое-то Кто?
Кто есть человек?

Скажи, не медля,
Каково оно-Что?
Что есть бытие?

Никогда не пренебрегай
Тем, каково Как?
Какова связь меж ними?

Человек, истина, пра-бытие
Ответствуют друг другу,
Возвышая свою суть вплоть до отвержения
и в этом обретают свою значимость.

4. Стражи-хранители

Подземная гроза катит,
неслышно для всех многих, вдаль
в надмировые пространства
дальше – толчок пра-бытия.

Мир и земля давно перемешаны
нарушены, повинясь закону их спора
уйдя от простого отношения вещей в их скромности,
Числа столпились, сгрудившись в пустые множества
не приносят ничего больше в связи и образы
«Сущее-бытующим» считается то, что «живет»
но «жить» – это только лишь выкрик
шумного субъективного-мнящего,
которое уже чересчур припозднилось,
чтобы дать какое-либо последующее.

И все же они бдят
Тайные стражи-хранители
не произошедшего еще преобразования – преображения:
далекий толчок-импульс пра-бытия
меж угрюмым деланием и содеянным.

5. Знание

Но мы знаем начало
Начало иного, знаем его, вопрошая
стоим в преддверии-готовности к прыжку
ко всякому Да и Нет.
Мы, правда, никогда не *есть* знающие
и все же мы – суще-бытующее в знании
вопрошая о нас, идя от
просвета бытия.
И все же выбор-решение его
призовет ли оно, разбивая силу или бессилие, к земле
мир в споре
принесет ли нужду-потребность в божестве
и со-бытует ли наивысшую тишину и покой
к Вот-Тут-Бытию человека.

6. Слово

Ничто, Нигде, Никогда
пред всяким Нечто, до всякого Тогда и Там

не избегнет слово без-дно-основы
которая даст-сообщит то
что не удастся дать всякой основе,
так как только союз
со сказанным
сделает всякую вещь особой – штучной – вещью
и дико запутает-рассеет смыслы, за которыми идет охота.

6а. Мы не знаем целей...

Мы не знаем целей
и есть только движение-ход.

Мы не нуждаемся во Многих
которых уже давно поглотила
жажда к содеянному-сделанному
Так, что только Один принес бы
сердце для голоса
тишины-покоя в пра-бытии
что взломало бы и смирило бы
дикое в ларце, где хранится основополагающее
и это наше мужество.

66. Здесь-бытие

То, что Здесь-бытие было бы,
дабы поведать пра-бытие,
Вынести из него необходимость-нужду
в ширь взгляда-взора, который видит заповеданное
То, что Здесь-бытие было бы,
Дабы пра-бытие вернуть назад к чуткому уху Того,
кто предпочел бы тишину-покой сделать своим уделом –
То, что Здесь было бы,
Дабы петь-воспевать пра-бытие,

возвращая его из далекой песни домой, на родину,
что долго избегалось и чего долго недоставало
как силы его сущности.

7. ΑΛΗΘΕΙΑ

Ἄρχα μεγάλας ἀρετᾶς
ὄνασσο' Ἀλά-θεια, μὴ πταίσης ἐμάν
σύνθεσιν τραχεῖ ποτὶ ψεύδει...

Pindar, Fragm. n. 205 (Schroeder)⁴

Начало годности к величию,
Госпожа божественная, несокрытость,
да не отвергни когда-либо мое настоящее вникание в тебя
дико-грубым (суровым) обращением-превращением...

* * *

В свободном мыслительском толковании:

Истина (просвет) пра-бытия есть пра-бытие заблуждения –
Поворот-обращение того, кто забрел в заблуждение (так же как
возврат в прежний мир-царство), позволительно только в таких
местах.
Но какое обращение-поворот?
Просвет есть без-дно-основа как нужда-потребность
в осново-положении.

В свободной передаче мыслителя:

Истина (просвет) пра-бытия есть пра-бытие заблуждения – заблужденность (как состояние, такое же, как богатство), уместная и позволительная лишь в этом месте. А верно ли обратное? Просвет есть без-дна – как выражение нужды в основе.

Из просвета пра-бытия поднимается, возникая, изначальность единственного-уникального в суще-бытующем, которая уже несравненно превосходит длительностью всякую «вечность», к которой мы постоянно приплюсовываем в довесок себя как чисто-пустое оставание там.

⁴ Пиндар, Фрагмент 205 (Шрёдер). «Начало годности к великому, Владычица Божественная Несокрытость, состояло бы в том, чтобы ты когда-либо не оборвала мое настоящее вникание в тебя дико-жестким (грубым) искажением...» 205. Начало высочайшей доблести, Владычица Правда, Не споткни мою речь о жесткую ложь...

II. Скачок вперед в единственность пра-бытия⁵

8. К постижению

Только исходя из начала [слоистой] истории (Geschichte) «этого» пра-бытия, будучи свободным от любой истории (Historie), мышление сможет подготовить готовность для положения основы того *одного выбора* (ср. ниже S. 45) (ср. Размышления XII, 29⁶ более подробно изложенное понимание выбора), а именно только это: пересилит ли человека махинативность суще-бытующего, превратив его в существо, склонное проявлять силу без всяких ограничений, либо пра-бытие щедро дарует основу его истины как жестокую нужду в ней, из которой пересекутся, как крест, ответственность-распротивление Бога и человека со *спором* земли и мира. Такое перекрещивание есть противоборство противоборств: со-бытие, в котором суще-бытующее только и вернет свое принадлежание пра-бытию. *Война* – это только непокоренно-непересиленная махинативность суще-бытующего, *мир* – это только кажущееся утихомиривание этой непокоренности. Но *борьба* – это контригра, в которой происходит взаимоодаривание-наделение сущностью, исходя из учтивости гордости взаимоотвергания. «Борьба» мыслится здесь, исходя из тиши-покоя сущения. «Борьба» – это слишком человеческое название отделенного от человека «со-бытия». Пра-бытие – это со-бытие, которое может быть вынесено вовне: *Aus-trag* как *вы-несение* – *у-лаживание* (ср. ниже S.84). Мышление в будущем станет вы-думыванием-раз-думыванием (со-бытующим с бытием сказыванием в без-картинном, не наделенном образом слове) готовности к [слоистой] истории перехода (преодоления-раз-веивания по ветру метафизики).

⁵ «К постижению» (Махинативность – Истина пра-бытия). Завершение современности. 1. Метафизика Ницше и ее разворачивание О. Шпенглером и Э. Юнгером. 2. Искусство и эпоха (История искусства и «науки»)

⁶ In: Überlegungen C. Gesamtausgabe Band 96.

9. Махинативность (*die Machenschaft*)⁷

Махинативность означает здесь все делающую и все исчерпывающую делаемость суще-бытующего – так, что в ней только и определяется сущность покинутого пра-бытием (и основанием его истины) суще-бытующего. («Делаемо» понимается здесь подобно тому, как понимается соотношение слов «будимо»=«бдяще» (»wachbar«=»wachsam«), а потому *делаемость* толкуется в смысле махинативной махинности. *Махинативность* есть самонастраивание на махинативную махинность всего, а именно так, что предопределено Неудержимое-Беспрестанное безусловного рассчитывания-высчитывания всего и вся. Нечто в этом роде допускает, что где-то там с краю существует «прогресс» – ведь он, как кажется или мнится, способен преодолевать разрушение как симптом «регресса». Однако делаемость располагает-распоряжается сущим-бытующим как таковым в игровом пространстве постоянно примешивающегося к ней прогрессирующего *уничтожения*. Постоянно уничтожающая и разворачивающаяся уже через посредство одной только угрозы уничтожения сущность махинативности – это насилие. Оно развивается в обеспечении силой – как тотчас же срывающейся с тормозов и всегда готовой перемениться способности к какому угодно и при этом преодолевающему и распространяющемуся подавлению-подчинению. Пребывающее в сущности махинативности насилие в любом случае зависит только от силы и никогда не становится основой власти; ведь махинативность есть предваряющее все, что делается, стреноживание-сковывание и, наконец, подкапывание-подрывание всякого выбора. Господство, однако, проистекает из полагающей основы способности делать выбор; господство обладает не только достоинством, оно есть свободная способность изначального признания достоинства не только какого-либо суще-бытующего, но и самого пра-бытия. Господство есть достоинство пра-бытия как пра-бытия. Все и всяческое господство – изначальное, и представляет собой господство начала. Махинативность требует под множеством масок разнообразных насилий заранее полностью обозримой рассчитываемости того, насколько подлежащее подчинению суще-бытующее обладает устройством, которым можно располагать и воспользоваться; из этого существенного, но в то же время завуалированного требования проистекает современная техника. Она высвобождает человека в его порыве к разделению на части своей массовой сущности, она преодолевается всяким человеческим обособлением, поскольку должна быть включена в то, что может быть сделанным – как со-делающий (и лишь *по видимости* еще направляющий и ведущий) субъект. Поскольку человек и в эпоху махинативности, обретшей полномочия к ее неограниченному насилию, понимает себя как животное (живое существо), для него самого (равным образом как для «мы», так и для «я») остается еще только «пере-живание-выживание как единственный способ вести себя и держать себя, который обеспечивает ему видимость самоутверждения по отношению к суще-бытующему в окружении махинативности. Возрастание широты и быстроты, дешевизны и открытости «переживания-выживания» есть признак того, что пали последние ограничения для насилия махинативности. Эпоха завершения современности (ср. 10. Завершение современности) уже имеет своим существенным следствием силовое превосходство техники над сущим-бытующим и ее бессилие перед пра-бытием – и никогда не может определить технику своей основой. Для этой эпохи уже недостаточны и такие характеристики, которые предполагают термины «цивилизация» и «культура». А именно: и та, и другая относятся к современности, но – к подготовительному ее периоду, который уже закончился. В обеих сущность техники еще сдерживает себя и потому преподносит себя только как особую область и как прежде всего ограниченную форму обуздывания вещей и массовой сущности человека (ср. 65. Техника).

⁷ Ср. Bd. 65.

Махинативность как суть суще-бытующего, как вид, в котором она расхожа, вынуждает предоставлять полную свободу действия всем тем силам, которые способны проявлять силу и преобразовывать форму проявления силы, – свободу в самопересиливании силы. Сообразно этой основополагающей сути силы, она уже постоянно продолжает себя в расширении и повышении, позволяя этому привнесению считаться лишь более поздней добавкой, которая может выказать себя и быть замеченной лишь во внешнем процессе. Это протекающее в таком продолжении самопересиливание силы выказывает себя в разнообразных проявлениях, которые – в том виде, как они познаются – обретают толкование с помощью унаследованного набора запаса метафизических понятий.

Ведут речь о «динамичном» – и полагают, что удастся лучше и точнее определить самопереполнение-потоп предоставленных самим себе и отпущенных на волю силовых процессов, если вообще не говорить о сущности силы.

Называют это «*тотальным*» и думают при этом о своеобразии сущности силы, выражающейся в том, что она не может терпеть ничего, что оставалось бы за пределами круга ее действия – ничего, о чем можно было бы еще говорить как о «действительном».

Указывают на «имперское», касаясь тем самым приказного характера силы, чтобы преодолеть который, следует просить, вести переговоры или выжидать удобного случая; ведь ее пересиливанию самой себя присуще приказное подчинение всего того, чему только ни случится обнаружиться в располагаемой ей округе.

Упоминают «рациональное», имея ввиду тот характер расчетливости, который присущ всякому руководству, осуществляемому в приказном порядке, которое циркулирует в замкнутом кругу распределения сил и руководства ими.

Указывают на «планетарное», желая сказать, что осуществления силовых полномочий не только всякий раз «тотальны» в себе (будучи соотнесены с государством, с народом), но и устанавливают пределы свои только на границах населенного земного шара и его окрестностей, находящихся с распоряжении (атмосферы и стратосферы), что в то же время должно говорить о том, что планета в целом как структурное образование власти «вовлечена в действие», а потому неприступна для разведывания каким-либо планетарным противником.

Однако все эти и прочие признаки сущности силы никогда не достаточны – потому что они несущественны – для того, чтобы постичь махинативность как таковую, то есть для того, чтобы понять ее с точки зрения истории пра-бытия как форму господства Самоотвергающего пра-бытия и его истины, основание которой не положено; ведь такое понимание осуществляется единственно в ходе выбора, посредством которого махинативность как таковая будет зафиксирована на одной из сторон – и, тем самым, вообще в ее разоблаченной сущности. Но вся силовая и насильственная сущность – это само по себе уклонение от такого выбора, которое как раз потому и оставляет скрытым своеобразие сущности силы, что ее приказной характер выходит на передний план, но приказ представляет собой менее всего продолжение решимости выбирать и форму ее выражения. Но не всякая решимость проистекает от выбора; а если и так, то выбор вовсе не обязательно должен быть существенным – такого рода выбором, что в нем была бы поставлена на карту сущность самого пра-бытия. (Поэтому все властители так любят ссылаться в оправдание на свою «новоиспеченность», потому что она привносит потребное незнание, которое скрывало бы ту беспардонность и неспособность проявлять почтение, которые нужны, чтобы произвести запланированное разрушение под видом нового прорыва – и при этом уклониться от всякого выбора).

Из такого лишь поверхностного познания и толкования махинативности – в смысле вышеупомянутых признаков – возникает позиция, занятие которой предполагает, что посредством простого согласия-признания распоясавшегося в разгуле насилия превышения власти можно принять и признать то, что «есть». Это принятие «действительного» толкуют как «героизм». Но названное так имеет все признаки «капитуляции» перед налично данным как тако-

вым – перед махинативно определенным, то есть перед покинутым бытием суще-бытующим самим по себе. Там, где принимается только экстраординарное, там предварительно не постигнуто то, что было необходимо. Оно, однако, может быть постижимо, только исходя из знания преодолевающей и пронизывающей сущее-бытующее *суровой нужды*, уязвляющей сущность в самое существенное. «Героический реализм» – по видимости, наивысшая форма знания о позиции, которую следует занимать по отношению к суще-бытующему – приводит только к наиболее потаенному виду уклонения от бытия; он есть наиболее яркий признак-примета забвения бытия, который выдается за способность резче и четче всего видеть то, что «есть»; и, тем самым, он публично доказывает свою сообразность времени в эпоху, когда современность начинает обретать завершенность.

И все же все попытки «мировоззренческого» толкования нераспознаваемой впутанности в сокрытую историю (Geschichte) эпохи всегда остаются поверхностными – и бесплодны, поскольку не готовят никакого первоисточника, исходя из которого, можно сделать выбор. Для постижения, напротив, имеет существенное значение возрастающее знание о сущности силы – и о том, что дает существенный эффект при самопересиливании силы.

А именно: отличающее всю и всякую силу самопересиливание-самопреодоление имеет за собой способность преодолевать всякую силу – по степени и широте, достигнутой всякий раз на данный момент (присущее силе уничтожение как пред-форму существенного для ее безусловности опустошения); сила предаёт сама себя и отказывается сама от себя по отношению к каждой достигнутой на данный момент фазе силы – и впадает присущее силе себялюбие-самолюбование, заключается которое состоит в безусловно-беспредпосылочной концентрации на себе самой. Поэтому и одна такая как-бы предпосланная махинативностью, словно участь, сущность силы обеспечивает сущение-бытование того бытия, которому свойственно метафизически давать опору человеку как «субъекту» и продолжать подтверждать ему его «оправданность-правомерность» перед им самим – ведь там, где сила пересиливает-превозмогает сама себя в насилии, кучей множатся кучей ссылки на «право»⁸, ведь это слово всего лишь обозначает то, что должно наперед устанавливаться в ходе самопересиливания-самопреодоления как притязание на распространение силы и на осуществление насилия.

Свойственный всякому разворачиванию силы поиск все новых и новых и все более и более подходящих противников приводит на основе безусловности-беспредпосылочности силы, в конечном счете, на крайнюю фазу запустения – в круг силы, уплотненный под давлением, подчиненно-подавленный, лишившийся всех и всяческих ограничений. С достижением этой фазы запустения, которое преподносится более настойчиво и навязчиво, чем когда либо ранее, в виде созидания, эффективности и производительности, в виде силы в действии, «решительного порыва-вступления в дело» – и, если понимать это сообразно насилию, именно таково и «есть», – достигается, однако, «точка», в которой разрушение становится невозможным. Разрушение здесь значит: производить окончательное воспрепятствование существованию всего, доньше существовавшего, исходя из уже осуществленного выбора какого-то иного начала. Но запустение есть погребение всякой возможности начала по причине полного ослепления эгоизмом, который беспредпосылочно обрел безмерность – ослепления, которое вынуждено признать своим недоступным для атак противником постижение – признать в той форме, в которой делает признания насилие, представляя то, что оно признает, в виде якобы ничтожности «смехотворного» и слабого. Но и это самоспасение сущности силы – это существенное следствие махинности, в которой все суще-бытующие и «субъект» в особенности сданы-брошены в безосновность истины забытого пра-бытия.

Превосходящая сила махинативности ярче всего проявляется там, где она преодолевает и мышление, завладевая им, и обустривает махинативно мышление суще-бытности суще-быту-

⁸ Что еще здесь называется оправданием силы.

ющего, а именно так, что само бытие делается тем, что [силой] делает себя само – обустривает и сооружает. Предварительным условием этого выступает, в первую очередь, толкование бытия как «объективности» «объекта», как «предметности» предмета. «Предметность» «конституируется» – и эта «конституция», в свою очередь, оборачивается само-конституированием «субъекта», то есть самоконституированием «мышления». «Бытие» так «конститутивно» понимается как «становление», но так как формой этого «становления» выступает время, на этом махинативном пути изложения бытия возникает в результате само собой разумеющаяся взаимосвязь между «бытием» и «временем» – это ходы мысли, которые *не могут иметь ничего общего* с тем, о чем первоначально вопрошалось под названием «Бытие и время» – но также и такие ходы мысли, которые не могут иметь ничего похожего с тем, что они превозмогли и преодолели: с бытием как махинативностью, которая вынуждает к тому, что еще и мышление ее сущности должно быть сообразным ей по виду – следствием чего оказывается то, что этому мышлению – то есть метафизике – не удастся когда-либо натолкнуться на истину пра-бытия даже только как на то, о чем можно поставить вопрос.

Не в меньшей степени укорененное в метафизике, однако кажущееся само по себе «естественным» и привычным обыденное мышление лишено всякой возможности исходить, мысля, из вопроса о бытии, поскольку оно даже еще более огрубленно внедряет махинативность – как нечто привычно-домашнее – в сущее-бытующее. В неограниченном поле махинативности, которое открывается в рамках Озабоченности Повседневным, в качестве обустривающих сил распространены только «цель» и «средство»; и это происходит таким образом, что все цели – и то, что напрасно представлялось в качестве целей – опускаются до уровня средств, сравниваясь по статусу с ними. Разумеется, средства обретают в Процессуальности Опосредствования свой особый закон. Они опосредствуют только лишь опосредствование как таковое – чистое силовое разворачивание силы как силы, которая насильственно втягивает сама себя в образ чисто силового распространения силы. Цели становятся излишними под гнетом действенности чистого процесса силового распространения силы.

Борьба между ответствованием-распротивлением и спором есть просветное со-бытие-с-бытием, в котором Бог осеняет Землю в ее змир, исходя из чего, мир ожидает Бога и Земля принимает человека. Этот просвет освобождает все и всяческое сущение сбывшегося событийно, отпуская его в без-основность со-бытийного-с-бытием. Но это – мышление называет в нем пра-бытие – не высится, господствуя, словно на троне, над сбывшемся событийно как нечто потустороннее и не объемлет – словно лишенная определенности пустота – всего лишь космос сущего-бытующего, но есть то Между Тем, которое донныне разворачивается в прости-раниях самоудаляющегося в иное (игры времени – пространства), и оно должно быть основано-положено «человеком» – как «Вот-Тут» – в каковом положении основы человек только и находит свою иную сущность, исходя из которой, ему обретается основательность и значимость: Вот-Тут-бытие.

Это Вот-Тут-бытие есть перенятие на себя острой нужды положить какую-то основу истины пра-бытия; оно есть начало [слоистой] «истории», в которой нет истории как Historie. Готовность к такому перенятию на себя, приуготовленная в образе некоторого знания пра-бытия, называет себя постижением-усмотрением смысла пути «мышления»; потому что мышление выраспрашивает истину пра-бытия в лишенном картин-образов сказывании слова. Но слово есть глас борьбы между встречей-распротивлением и спором – слово, которому задало тон настройки со-бытие-с-бытием, слово, пронизанное просветом и уходящее звучанием в безосновность-пропасть пра-бытия. Сообразно контр-игре со-бытования с бытием, каждое существенное слово (каждое сказывание-изречение) многозначно. Но такая многозначность не ведает как-угодности приблизительности, проистекающей от разнузданности, она остается захваченной-включенной в богатство единственности пра-бытия. Поскольку в слове и как

слово сушится бытие, вся и всяческая «диалектика» «предложений» и понятий движется в постоянно предметно-противостоящем и не допуская сделать какого-либо шага к постижению.

Но все же это постижение, приходя из преодоления «метафизики», вынуждено повсюду еще задевать-затраивать донные существовавшее, прежние – и не может натолкнуться на готовое годное для себя изложение-представление ни в качестве «учения», ни в качестве «системы», ни в качестве «напоминания-предостережения», ни в качестве «поучения». Добротность и строгость этого мышления – в сравнении со всякой никчемностью мнения мнений и всяческой расхлябанностью сказывания – имеет свое укоренение и разветвление в сущности истины пра-бытия, которая – пребывая в независимости от всей и всяческой силы действительности-эффективности и не будучи заставляема впадать в бессилие только лишь представленного – вынуждена основываться в Нигде и в Никогда сущего-бытующего, в безместном месте и в бесчасовом времени борьбы со-бытования-с-бытием; и в этом со-бытийствовавшие-с-бытием призываются к их сущности, каковой призыв к сущности пра-бытия соответствует слову, и мышление «этого» пра-бытия предопределяет-предназначает к сказыванию.

Подготовка этого единственного выбора может быть осуществлена только в процессе скачка вперед – к сообразной ему решимости-решительности, которая сама – если рассчитывать по меркам истории-Historie-исторически еще не «действительна», не заметна и не действительно-эффективна, однако переняла [слоистую] историю Иного Начала как [слоистую] историю сушения истины пра-бытия.

Этот выбор поэтому никогда не есть какая-то историческая критика, которая всякий раз вынуждена оставаться внутри ее эпохи. Выбор готовится как постижение сути эпохи, которая состоит заключается в *завершении современности*. Это завершение есть [категорическое] Либо – по отношению к [категорическому] Либо другого начала.

Подготовка выбора заключается в переходе – и, тем не менее, избавлена от Отчасти нерешительности. Переход опирается и поддерживается в ясности своей, знании о сущности завершения метафизической эпохи и посредством того уникального выпрашивания-расспрашивания истины пра-бытия, которое остается недостижимым для любой метафизики. Постигание как изначальное единство этого [слоисто-исторического] знания и этого выпрашивания-расспрашивания – единство, само понужденное выбором и выступающее его неотъемлемой составляющей, только готовит этот выбор. Оно само не только [слоисто]-исторично, но и само есть основа смены сущности освобожденной от всей и всяческой истории-Historie – в смысле со-бытования-с-бытием той борьбы, которая происходит по ту сторону махинативных войн и наведений мира. Этот выбор не делается как «акт» отдельных людей. Он есть толчок самого пра-бытия, благодаря которому, и посредством которого, махинативность сущего-бытующего и человек как историческое животное отделяется от безосновности пра-бытия и передается своей собственной беспервоначальности. Поэтому подготовка выбора не означает затевание его самого – так, как будто бы он представляет собой какой-то один возможный вариант делаемого человеком наряду с каким-то другим возможным. Готовится только пространство – время-игры, в котором должно [слоисто]-исторично произойти *сущностная* перемена, (а не только лишь количественное изменение или перевоспитание) animal rationale. Для такой подготовки, мыслительское постижение тоже должно стать только лишь *одним* из действий – вероятно, дальше всего напередпродумываемым, и потому само вовлеченное в самое острое постижение – как *изначальное* самопостижение философии. Но мыслительское суждение не может стать подлинно сущеносным словом – это требует поэта, который должен произойти из того рода, который берет начало от Гельдерлина («Как в праздник...»)

Но мыслительское постижение должно постичь суть завершения современности и оставить позади себя все мышление, которое остается зависимым от метафизики и там, где оно, по видимости, отвергает ее, держась мнения, что посредством не задавания больше вопросов обрело господство над нею. Но «метафизика» – что постоянно значит здесь одно и то же: гос-

подство безосновного в его истине бытия, определенного из мышления как представления – может быть преодолена только посредством более изначальных вопросов, чем ее подлиннейшие-собственные вопросы и тем самым возвращена назад в ее полную [слоисто-] историческую необходимость.

Вопрошать более изначально означает, во-первых: возвысить оставшееся существенно неспрошенным, без вопроса (истина пра-бытия, а не истина суще-бытующего) – как пра-бытие истины – до статуса наиболее заслуживающего вопрошания (и наиболее заслуживающего сомнений); спрашивать более изначально означает, во-вторых: впрыгнуть в до сих пор сокрытую [слоистую] историю пра-бытия и, тем самым, постичь саму [слоистую] историю в целом более существенно, чем любой род истории-Historie. Поэтому, постижение нуждается в знании о сущности «своей» эпохи, то есть той эпохи, которую оно уже покинуло и должно покинуть в тот момент, когда начинается ее завершение (ср. 10. Завершение современности).

Ср. выпрашивание-расспрашивание истины пра-бытия, которое само как вопрошание никогда не переводит к какому-то ответу, а только лишь и единственно переотвечает *себе* на голос тишины – исходящий из пра-бытия как соответственный (stimmende)⁹ его сущению ответ.

⁹ Игра слов: stimmende (соответствующий) – дающий голос (Stimme). – Прим. пер.

10. Завершение современности¹⁰

Завершение современности есть одновременно завершение метафизической – опирающейся на невысказанную и высказанную метафизику – историю Запада. Точнее: завершение метафизики определяет и несет с собой начало завершения современности.

Завершение означает здесь не ограниченное никакими рамками, а потому не запутанное, простое и бесхитростное вступление в силу разворачивающейся сущности эпохи. Завершение поэтому не есть чисто только приращивание-дополнение какого-то отрезка, который еще отсутствовал, а потому и не окончание чего-то такого, что в основе своей уже известно. Завершение, скорее, привносит последнее и наивысшее Отчуждающее в эпоху, которая не прекращается с его привнесением, но *начинается* господство сущности. Завершение метафизической эпохи поднимает бытие в смысле махинативности к такому «господству», что в нем происходит забвение бытия, и, тем не менее, суще-бытующее такой сущности практикуется как Единственное, доводясь до безусловно надежного представления и по-ставления промышленностью. Такое возводимое – обустриваемое представление и по-ставление промышленностью решает – определяет, что допустить в качестве суще-бытующего, а что отвергнуть – как не-суще-бытующее. Все делающая и все улаживающая возможность-стать-сделанным суще-бытующего – это махинативность, которая пред-определяет и сущность ее действительности, и придает действительности ее единственный смысл. Действенно-эффективное не рассчитывается – высчитывается, как таковое, с ориентацией на ближнюю перспективу «целей» некоего суще-бытующего, но существует только в виде разворачивания в действии самой *махинативности* (бытия). Махинативность в то же время правит как незнаемое в своей сущности, а также непознаваемая для любой метафизики причина интерпретации действительного как «воли к силе». Суть ее состоит в необходимом, а потому и неустранимом пересиливании всякой силы, какое пересиливание пред-полагает принадлежащей к ее сущности делаемость махинативности – пред-полагает наперед, а не только, скажем, как следствие. Планирования, высчитывания, сооружения-обустройства, сурового дисциплинирования требует таким образом пришедшее к господству суще-бытующее – и, тем самым, требует принятия-одобрения «становления» – не в намерении достичь прогресса в движении к какой-то цели и «идеалу», а ради становления самого по себе, как такового; ведь им движет пересиливание-обретение превосходства в силе, потому что только в нем и может продержаться и выдержать любая сила. Но, в сущности, сначала требуется «становление» посредством самой махинативности, *потому что* она проистекает из сущности бытия – как при-сущность-при-существование и постоянство. Бытие есть становление – и посредством этого бытие не отрицается – наоборот, его изначальной сущности φύσις-ἰδέα-οὐσία обеспечивается посредством суще-бытийности как махинативности предначертанное отсутствием обоснования истины исполнение сущности (ср. внизу S. 92f., 110f.). Кажущееся первенство «становления» по отношению к «бытию» – это только лишь самоуполномочивание возможности быть сделанным, только лишь наделение себя силой для обеспечения постоянства своей безусловной при-сущности.

Единственными *разворачиваниями* последней западной метафизики – метафизики Ницше – которые стремятся к завершению современности, и которые заслуживают внимания, выступают историческая метафизика цезаризма *О. Шпенглера* и метафизика «рабочего» *Э. Юнгера*. *Первый* думает о человеке как о «хищном звере» и видит его осуществляемое завершение – и конец – в господстве «цезаря», которому встали на службу массы, организованные экономикой, техникой и мировыми войнами; второй, мыслит в планетарном масштабе образ

¹⁰ (ср. «Обоснование картины мира, свойственной Новому времени, посредством метафизики». Июнь, 1938). Дальше на немецком.

«рабочего» (не экономически, не социально, не «политически») – образ рабочего, в котором современное человечество становится составной частью «органической конструкции» существующего в целом. При этом, однако, ни тот, ни другой не могут быть накрепко связаны с наименованиями «цезарь» и «рабочий», которые указывают куда-то по направлению к великим *отдельным индивидам*, и делается попытка – и в том, и в другом случае – толковать их в смысле какого-то «прорыва» к сущности сверх-человека, то есть теперь уже твердо определившегося животного¹¹.

(Но такие формальные указания на действительно завершившиеся процессы мышления постоянно влекут за собой сокращение и сдвигание в сторону. Они хотят только продемонстрировать, сказать, что здесь только ведется борьба за позиции и точки зрения, каковая борьба разворачивает свою способность раскрывать-разоблачать что-то лишь только в непубличном споре с нею. Шпенглер и Юнгер – хотя они и происходили от одного и того же метафизического корня – мыслили в основе своей различно. Тот способ, каким они публично «действовали» и были отвергнуты, то есть использовались и были обезврежены, несущественен – он есть следствие запоздалой исторической (*historischen*) психологии. Чистый пессимизм заката у Шпенглера и чистый динамизм у Юнгера – это, и в том, и в другом случае, только лишь передние планы, фасады – из разряда бездумно навешиваемых ярлыков, в которых нуждается публичность.)

И на том, и на другом пути разворачивания метафизики Ницше, сущебытующее в целом мыслится махинативно, а человек как распространитель махинативности до предела определяется, исходя из существенной впутанности-вплетенности в нее. Человек поэтому – как расчлененная масса и как отдельный член в такой расчлененности – постоянно оказывается одновременно и мощным носителем силы, и безразличным существом, и, тем более, руководящим началом вплавленным в единое. Поэтому последнее слово, которое произнесет тот, в ком переkreщаются суще-бытующее в целом и бытие-человеком – это слово «судьба». Мышление мира, вызванное наивысшей волей к силе хищного зверя и безусловностью вооружения – это, во всяком случае, раз-признак завершения метафизической эпохи. Мировые войны, равно как и мир во всем мире (в двояком христианско-иудейском смысле) означают соответствующие махинативные затеи, которые в эту эпоху уже не могут быть больше средством для достижения какого-то замысла и цели – но не могут и сами быть замыслами и целями, а сами есть то, в чем должны найти завершение действительное и суще-бытующее, мощь и знак отличия состоит в покинутости бытием (ср. VII Пра-бытие и человек; ср. 63 Техника).

Апелляция к судьбе подразумевает капитуляцию покинутости бытия суще-бытующего перед нею и в то же время есть пустая победа сделавшегося лишенным выбора героизма человека как «субъекта». Ссылка на судьбу – это лишь оборотная сторона исторического (*historischen*) понимания [слоистой] истории (*Geschichte*) – его расхожего «разъяснения» из суще-бытующего в тот или иной момент и из причин и целей, которые были бы желательны в суще-бытующем.

Принятие судьбы, «Да», сказанное ей, – это выход в безвыходность метафизики, которая исчерпала себя во всех ее возможных вариантах и оборотах и, тем самым, совсем запуталась в самой себе. Там, где ссылка на какого-нибудь суще-бытующего «*Бога*» (иудео-христианского и на его сообразные разуму варианты вроде «провидения» и тому подобного) не допускается по причине желания быть честным; там, где в то же время утратило свое очарование и притягательность отступление к «человеку» и его «творческому» великолепию-всевластию; там, где, какой-то выход видится в том, чтобы заниматься ведением этого «*мира*» в его покоряемости – и все же это не достигается в то же время, без помощи «человека» и его «страстного желания пережить-разжиться» и без помощи «бога» с его «утешениями» – тут бог, мир, чело-

¹¹ В отличие от «неопределившегося животного», как определял человека Ф. Ницше. – Прим. пер.

век – это разделенное натрое суще-бытующие как целое – блуждают потерянно как сферы, куда спасается бегством метафизика, безосновно в не имеющей основы истине пра-бытия – метания-прыжки человека между угрозой и обеспечением надежности-безопасности или даже полным безразличием.

11. Искусство в эпоху завершения современности¹²

Искусство в эту эпоху доводит до завершения свою доныне существовавшую метафизическую сущность. Признаком этого является исчезновение художественного творения, хотя и не искусства вообще. Оно становится способом завершения махинативности, который выражается в простраивании суще-бытующего в безусловно надежную располагаемость сооруженного. Сотворенное – совсем иначе, чем раньше – полностью отступает в «суще-бытующее» – в «природу» и публичный «мир»; и отступает не как в составную часть, а как в сущностную форму проявления своей махинативности: шоссе для автомобилей, залов, аэропортов, огромные трамплины, электростанции и водохранилища, фабричные здания и укрепляющие сооружения. «Природа» изменяется сообразно этим «сооружениям», полностью превращается в них и предстает, удерживаясь только в их облике. Она становится «прекрасной» только через посредство этих сооружений и благодаря им, и только таким образом. Красота и сейчас еще остается – сообразно полностью исполненному в совершенстве метафизическому характеру искусства – основным предназначением и предопределением. Прекрасно то, что нравится и должно нравиться определяемой силой сущности хищного зверя человека; но за основным определением и назначением уже скрывается ее преходящая (изменчивая) сущность, поскольку в исчезновении художественного творения, ради чистой махинативности осуществляется закрепление полной покинутости суще-бытующего бытием. Поэтому, отпадает всякая возможность искать здесь, вдобавок, какой-то «смысл» этого искусства, который мог бы еще стоять «за» или «над» его «творениями». Искусство снова становится – но не просто в отступлении назад, а в обретении своей завершенности – чистым *techné* – в образе, конечно, современной техники и истории. Оно есть некое сооружение безусловной представленности-исполненности махинативности суще-бытующего – в образе ее включенности-пригнанности в махинативность, т. е. в виде сделанного им одолжения.

Существовавшие до сих пор виды искусств, приходят в упадок и продолжают существовать чисто номинально или как побочные, недействительные сферы занятий явившихся слишком поздно «романтиков», которые не имеют будущего – например, как изготовление «стихотворений» и «драм», соответствующих им музыкальных произведений, «картин» и скульптур. То, что создает искусство – это не *такие* «произведения» и даже вовсе не произведения в том смысле, который связан с историей бытия – произведения, который открывали бы просвет бытия – такой, в котором бытие только и могло бы впервые стать основой суще-бытующего; преподносимые произведения есть «структуры-конструкции» (формы *сооружения* суще-бытующего); «поэтические произведения» есть «оповещения-извещения» – воззвания в смысле *вызывания* уже суще-бытующего с вовлечением его в «Публичное», задающее меру всему и гарантирующее-обеспечивающее все. Слово, звук, образ – это средства для расчленения и движения, для осуществления встряски масс и сплочения их, короче говоря, для их создания и организации; мы не вправе сравнивать «кинематографический образ» и «кинотеатр» со знакомыми нам из истории «художественными творениями» и подходить к ним с теми же мерками, которыми мерили их; у них есть закон своей собственной размерности в обретающей метафизическую завершенность сущности «искусства», как сооружение – налаживание вседелающей и всеисчерпывающей-улаживающей делаемости суще-бытующего. «Игра светом в кинотеатре» есть публичная презентация – «новых» – «общественных форм поведения», мод, жестов, «переживаний», «подлинных» переживаний. Китчевыми являются не сами фильмы, а то, что они преподносят и распространяют как достойное переживания – вследствие махинативности переживаний. С махинативно-необходимым исчезновением художественных творе-

¹² (Vgl. Überlegungen VIII, 64 f., 89 f. (In: Überlegungen B. Gesamtausgabe Band 95).

ний, которые имели прежнюю сущность, китч, проистекавший из подражания им, утрачивает свой статус альтернативы и становится самостоятельным – а, как таковой, он уже больше не распознаваем. «Китч» – это не «плохое» искусство, а наивысшее искусство-умелость, но искусство-умелость делать пустое и чудовищное – чтобы позднее гарантировать себе значимость, когда публичная пропаганда призвет себе на подмогу его символический характер.

Но было бы не только неподобающе проводить исторические *сравнения* с материалом, который сам был обретен снова исторически – вообще не подобает всякая «привязка» к «ценностям» перешедшего по наследству исторического. Это может быть значимым только как учебный материал и как материал для побуждения к созданию «совершенного» искусства – в смысле лишенного возможности выбора, необязывающего ни к чему «историзма». То, что в «художественных конструктах» сегодня вновь обнаруживается Все Предшествующее, имеет свою причину не в недостатке собственного стиля, а в том, что подлинный стиль махинативной эпохи состоит именно в этом более никак не ограниченном перенимании всего, что годится для обустройства публичной жизни масс, в которой – как и в любом ином сообществе – наличествуют также *свои собственные* «индивидуальности и личности». Отсюда и возрастающее количество «благ», создаваемых «художественными занятиями», которое соответствует проистекающему из приоритета техники надежно обеспеченному ритму формирования всех затей и сооружений. Историзм не есть уже – как его предшествующая форма в XIX веке – теряющая себя форма бессвязного и безудержного перепробования каких угодно возможностей опредмеченной истории; нет, он предварительно плотно включен в Махинативное всего суще-бытующего и благодаря этому только и обретает собственное уже связанно-обязательное завершение и законченность. «Музей» – это теперь уже не есть больше место, где накапливается прошлое, а выставка, на которой представляется запланированное – к нему призывают, ему учат и, тем самым, обязывают. Это – в широком смысле понимаемое сооружение-конструирование «Земли» – не просто планируется и осуществляется в отдельных частях и отдельными шагами, в различных местах, а заранее – сообразно сущности планирования – планируется, исходя из целого, и это запланированное заранее преподносится заранее – и в то же время в доступном изложении. Преподнесение силы и представление силы – в виде чисел на марше, выставления их в ряд, в длину, высоту и ширину. Выставление на выставку означает, что показываемое, в сущности, уже надежно закреплено.

Акты преподнесения искусства сплошь и рядом имеют характер «потенциально заложенного в зачатке», характер заранее настроенного на планируемый, делаемый выход за пределы уже устроенного суще-бытующего, которое следует покорить и преодолеть – и это уже устроенное, в свою очередь, никогда не быть представлено как таковое, как ранее приуроченное – оно должно «органически» включаться в «ландшафт», «органически» вписываться в общественные потребности и мероприятия; при этом то, *куда* привносятся дополнения, уже видится сообразно их махинативной сущности¹³, т. е. ландшафт уже заранее рассматривается «технически» – так, что «техническая» структура вполне сообразна ему и вписывается в него.

(*Приложение*: земли и долины, горы и воды видятся не «технически» – не так, будто ландшафт – а что еще ему остается? – предстоит быть *использованным с пользой технически*. *Суще-бытующее уже вовсе не* допускается больше в качестве ландшафта – так, будто ландшафту только и остается быть *использованным с пользой*). Суще-бытующее уже больше отнюдь не допускается в качестве ландшафта, и его покоряет силой также не чистая техника – нет, махинативное обеспечение и порядок суще-бытующего в целом заранее определяет созданное, как созданное быть *заложенной раскрываемой возможностью* – тем, что уже заранее заложено и вложено в суще-бытующее – и, таким образом, она уже заложена как возможность, предна-

¹³ Если мыслить строго, то это не есть ни еще видимый ландшафт – ни еще сама себя «формирующая – оформляющая» «техника».

значенная для гарантированного обеспечения устройства – как устройство, обеспечивающее гарантированную надежность. Основное предназначение устройство заложенной возможности – обеспечение возрастания силы в игривой ненавязчивости-незаметности высчитывания-прощитывания. О происхождении заложенной возможности из потенции-стать-сделанным сравни выше.

Характеру «заложенной возможности» привносимого соответствует тот вид, в котором его представляют, и то, каким образом обходятся с ним в обиходе: завладение-покорение, интеграция в качестве части и *заучивание-разучивание его как «переживания-разжигания»*, то есть надрессированность-натасканность на то, чтобы принимать и оценивать все, что угодно, целиком и полностью только исходя из механизированной сущности суще-бытующего (пусть даже и сокрытой и непостижимой); если так выразиться: не искать больше ничего за суще-бытующим и ничего над ним, но не чувствовать «пустоты», а находить и искать исключительно и, как максимум, пере – и разжигаемое в осуществлении-завершении махинативного, в «своей собственной» втягиваемости-вовлекаемости в массовидную «жизнь» – и впредь требовать именно такового как единственно значимого и ценного, и единственно дающего гарантированную уверенность.

Потенциальная заложенность и заучивание переживания-разжигания принадлежат к сущности махинативной гарантированности-надежности суще-бытующего в целом и втянутого-вовлеченного туда обеспечения гарантированного выживания человека. Но эта завершающе-совершенная метафизическая сущность искусства еще не испытывает нужды в том, чтобы быть понятой сразу же; наоборот: сообразно покинутости бытием суще-бытующего, к устройству-обеспечению которого со-причастно искусство, забвение бытия человеком добавляет к мере своей безграничное. То, что «собственно-подлинно» происходит здесь пра-бытийно в эпоху завершения, то есть если понимать это, идя от пра-бытия, должно было не только сокрываться, но даже и лукаво искажаться. Явно выраженное рассмотрение искусства и занятие им (вплоть до занятия историей искусства) стало двигаться в совершенно иных «категориях» мышления – а именно в тех, которые стали потребны благодаря отведению приоритета человеку как субъекту, благодаря подаче-толкованию суще-бытующего в целом и человека в частности как «жизни»; «искусство» принято считать «выражением» «жизни», и оно оценивается в соответствии с тем, насколько широко ему это удастся; причем то, что есть «жизнь», в то же время уже со-определяется – со-устанавливается через стиль «художественного» преподнесения (например, мужественность мужчины усматривается в огромных мышцах и половом органе, в пустом взоре, в лице, не выражающем ничего, кроме брутальности). Толкование «искусства» как «выражения», однако, дает в то же время указание на то, что оно (пусть даже если оно исторически трактуется как нечто, связанное с «художественным творением» и возможностью доставлять наслаждение) вынуждено довольствоваться сущностью заложенной и усматриваемой возможности, освоением-присвоением которой может происходить – как и полагается – только посредством заучивания переживания-разжигания. История (Historie), как наука благодаря этому обретает «новый» «горизонт» изложения-толкования – не созданный себе самой собою, а тот, который, исходя из соответствующего отрезка времени, обеспечивает-гарантирует донине не использовавшиеся возможности новых «познаний», а, тем самым, в то же время дает по отношению к сопутствующим современникам надежное-гарантированное средство доказать их «превосходство» и «новое» «пробуждение», а также становится поводом к тому, чтобы обеспечить-гарантировать их исключительную незаменимость.

(Но в этой исключительной незаменимости наука стала чем-то полностью иным – в сравнении с тем, чем она могла предполагать быть когда-то: отнюдь не основополаганием и не путем основополагания существенного *знания*, а «техническим» сооружением-налаживанием натаскивания на надежность переживания-разжигания «перед лицом» махинативного; по этой причине формы, в которых производится наука, достигшая в современности заверше-

ния-совершенства, тотчас же в наиболее чистом виде обрели свою форму там, где они получили возможность работать с неограниченными средствами возведения-сооружения и представления: «университеты» в любом из направлений – это еще только вспомогательные формы выучивания – в отличие от исследовательских учреждений и проектных бюро и профессиональных высших школ любого рода.)

Искусство становится, таким образом, сообразным вещам вы-формировывания способов представления и изготовления-производства махинативного суще-бытующего; оно сообразно вещам потому, что оно ограничивает вещное именно таким вы-формировыванием так и остающихся полностью в рамках служебности способов промышленного производства и допускает как «вещно-деловое» только поддающееся махинативному планированию. Искусство есть устройство-закладывание потенциально заложенной и открываемой затем делаемости всего суще-бытующего; поэтому оно априори не оставляет выбора. Искусство – в своем сущностном подобии с техникой и историей (Historie) – принимает на себя устройство-возведение суще-бытующего, бытие которого предрешиено как махинативность, по каковой причине искусство никоим образом не есть игровое пространство для делания выбора, и за ним нельзя признать способность к выбору. Эту суть искусства трудно усмотреть именно с близкого расстояния, лицом к лицу исторических сравнений, производимых историей искусств, и еще труднее разглядеть в ней завершение метафизической сущности искусства.

(Напротив, установление сущности искусства как приведения-в-действие истины (пра-бытия) есть скачок вперед, в другую историю (Geschichte) – и лишь с целью злоупотребления здесь можно, исходя из этого, толковать историю метафизического искусства; поскольку в этом искусстве и оформляется-формируется бытие суще-бытующего, связанная с историей пра-бытия сущность искусства может толковаться, прежде всего, исходя из [многослойного] исторического воспоминания, причем и это толкование уже мыслится больше не как метафизическое, а как связанное с историей пра-бытия). (Ср. Доклады об истоке художественного творения.)¹⁴

Понятие Ницше об искусстве как «симуляции жизни» описывает специфически-уникальную промежуточную позицию между эстетическим, метафизическим искусством, творящим художественные творения – и завершившимся-совершенным закреплением сущности искусства как способа обустройства-налаживания махинативности, а потому остается совершенно в метафизической сфере – разумеется, на ницшеанский лад – как выворачивание наизнанку платонизма. И свойственное Ницше толкование искусства разворачивается сегодня – более грубо или более тонко – в планирование искусства, а именно так, что этим озабочено Массовидное «жизни».

Подлинно современное искусство, которому еще пришлось вырасти за рамки того, что желал бы видеть как искусство Гегель и что пытался творить как искусство XIX век, отличается тем, что сквозь пробивающийся через суще-бытующее характер закладывания возможностей с их последующим усмотрением уже, собственно, не проступают, не просматриваются как «художественные творения». Наряду с этим имеет место – а отчасти и желается и даже поощряется, исходя из того же духа, историческое (historische) продолжение профессиональных занятий искусством XIX века, что оценивается в аспекте культурной политики, но оно остается недействительным и оказывается лишь каким-то признаком историзма (Historismus), который так и переливается всевозможными своими цветами. И, кроме того, наряду с этим происходят или практикуются вкрадчиво уверенные в своем эстетическом вкусе забота и наслаждение историческими (historischen) традициями западного искусства – по большей части поддерживаемые и направляемые распространением работы культурно-исторического плана через посредство образования.

¹⁴ Der Ursprung des Kunstwerkes. In: Holzwege. Gesamtausgabe Band 5. S. 1–74.

Напротив, постижение не ищет искусства во всем этом, поскольку такое постижение не вправе больше обсуждать направление и вид до сих пор существовавшего искусства и *его* возможности, но должно поставить перед выбором, направленным на изменение *сущности* искусства, и сделать это, прежде всего, только исходя из основополагающего решения о господстве махинативного сущее-бытующего и основоположении истины пра-бытия.

Такое подводящее к выбору постижение искусства происходит за рамками всех и всяческих теорий искусства, поскольку преодоление эстетики может оставаться лишь приводящей задачей, а, сверх того, оно легко может быть истолковано превратно, поскольку может навести на мысль, что можно менять эстетику, как перчатки, посредством какого-то другого рассмотрения.

Речь также идет не о том, чтобы противопоставлять особо «произведение-само-по-себе» – художнику и тем, кто это произведение воспринимает, а также [слоистым] историческим обстоятельствам и действенным взаимосвязям, которые обусловили художника и воспринимающих произведение искусства; ведь и такое подчеркнутое противопоставление не должно быть следствием метафизически познанного искусства; художественное творение при этом понималось бы только как «предмет».

Вопрос о «художественном творении», поставленный в свете истории пра-бытия, будет иметь, однако, другой смысл – как только оно в сущности своей будет рассматриваться вместе с самим пра-бытием и полаганием основы его истины. Художественное творение само теперь будет выполнять сущностную задачу, решение которой будет способствовать выбору в пользу пра-бытия.

Художественное творение не есть ни чувственно-образный, смыслоизображающий предмет, ни что-то такое, что «заложено» в устройстве сущее-бытующего, но есть просвет пра-бытия как такового, и этот просвет содержит выбор, ведущий к иной сущности человека. Искусство теперь имеет характер Вот-Тут-Бытия; оно есть нечто, выходящее за рамки всех и всяческих усилий создать «культуру», оно не принадлежит человеку – ни творящему, ни воспринимающему – оно есть места совершения выбора редкостно-уникального; «художественное творение» есть собрание чистейшего одиночества над безосновной пропастью пра-бытия; творения никак не касается ни «слава», ни безразличие невнимания; оно, по сути своей, остается в удалении в стороне от «публичности», равно как и от «частной, приватной» игры, но есть принадлежность единственно того настоящего стремления к закату, который только и может стать единственно соответственной сущности [слоистой] историей, которую оставляет просветом пра-бытия. Полная непривязанность художественного творения к сущее-бытующему и его привычным формам обустройства заключает в себе гарантию взаимопринадлежности с творящим, которая не привязывает его «биографически» к его делу, но бросает его вот-тут-бытие как «жертву» в пропасть безосновности. Однако и «жертва» тоже не может быть больше «предметом» скорби и почитания, потому что и такое воспоминание еще остается в плену одухотворенного *занятия культурой как делом* – и снова вырождается, падая вспять, в очеловечивание искусства. Сущность «жертвы», само название которой, исходя из ранее существовавшего словоупотребления, слишком легко допускает ложное толкование, состоит в молчаливой настоятельности оставления позади закоснения истины пра-бытия, в чем имеет подлиннейшую сущность свою борьба между рас-противлением встречи и спором¹⁵. Потому это *есть* только творение – то, что выставляет для выбора сущность богов и человека между чередующимися вызовами земли и мира в их сущности. То, что *не* позволяет заправлять тут всем ближайшей окрестностью такой подготовки к выбору, возможно, может еще служить общению-болтовне (для оттеснения скуки) – оно может выступать как заявление о себе (самооглашение) и подтверждение налично-подручного, и должно позволять «выставлять» себя предметом из круга

¹⁵ Строго помыслено, есть.

достойного удивления, но оно нигде и никогда не есть «творение». Масштабы будущего «искусства» вообще не должны калькироваться-сниматься с масштабов до сих пор существовавшего метафизического искусства, и даже тогда, когда их ищут в каком-то «Классическом», превознося его как нечто, способное превзойти само себя.

Все и всяческое историческое (historische) поучение-наставление о донныне существовавшем и сегодняшнем искусстве поэтому тоже изолировалось уже от всего и всяческого выбора, если оно не отваживается прежде всего и при всякой возможности познания прокладывать пути к постижению смысла. Так как Нечто Такое остается невозможным, если заниматься наукой как некоторым промыслом, потому что здесь *знание* существенного стало неизвестным, от исторических наук о духе тоже не может исходить никакого толчка к постижению смысла.)

Но там, где внезапно появляется кажимость постижения смысла, тотчас же возникает и возможность проследить, к чему тут все устремляется. Во-первых, на всеобщее обозрение выставляется расчленение положения («ситуация»); во-вторых, планирование компетентных «экспертов по будущему» (Künftigen)¹⁶ пытается обеспечить безопасность и надежность. Расчленение («аналитика») и планирование («конструирование») взаимно способствуют друг другу, не только в большинстве случаев не только является введением к другому, но и это другое уже определяет пути первого. Аналитически-конструктивное «мышление» в своей решительности и решимости совершенно соответствует неограниченной силе махинативности: оно демонстрирует во всех сферах человеческого устремления и действия одно и то же однообразие формы и определяет стиль видимости решительности-решимости, готовности делать выбор, который питается целиком и полностью нерешительностью, неспособностью принимать решения и делать выбор; а она все больше и больше укрепляется, становясь той «предпосылкой», на которой ширится не знающее границ пересиливание силы как чистая действительность действенного-эффективного. То, что при этом еще привносится из областей «либерального» культурного оптимизма в качестве сопротивления, остается несущественным, пусть даже оно и может порой выдаваться за «успех»; выступая только как сопротивление и ничего, кроме сопротивления, оно погрязает в донныне бывшем и впутывается во все возрастающую зависимость от исторических необходимостей, от которых оно – хотя и напрасно уже по самой сути своей – пытается уклониться. (Иудейско-христианская власть – сообразно роду и виду своему – ведет двойную игру и встает на сторону «диктатуры» пролетариата и, в то же время, на сторону либерально-демократического устремления к культуре; эту двойную игру еще вуалирует на протяжении некоторого времени уже существующая утрата корней и отсутствие силы для того, чтобы сделать существенный выбор.)

Первое время, конечно, может создаваться видимость того, что здесь осуществляется нацеленность на постижение смысла или только «спасение», а местами и «действия», пусть даже и в таком направлении, что сущность подлинно (слоистом) историческом постижении смысла Запада при этом недопонимается, а если и смутно угадывается, то затем приводит в растерянность и вводит в заблуждение. То, что завершение современности, «собственно», есть завершение метафизической истории Запада и, одним словом, готовит, тем самым, высочайший по значимости выбор (ср. 8 К постижению смысла), что единственно обладает обязывающей исторической силой для постижения смысла, открывается проще всего в историческом движении начинающейся эпохи: она основывается на – представленном-подготовленном метафизикой в разнообразных образах – различении суще-бытующего и бытия. Махинативность наделяет себя полномочиями через суще-бытующее и наделяет забвение бытия неограниченным правом. К бытию (идеалы и ценности) апеллируют до сих пор существовавшие занятия «культурой» (христианско-иудейского, демократически-западного и американского вида).

¹⁶ Игра слов: die Künftigen – «знатоки будущего, футурологи». В противовес им die Zu-Künftigen – это провидцы, люди грядущего, прозорливы и поэты.

Махинативность и занятие культурой как производством ставят суще-бытующее и бытие в противоречие крайней степени напряженности – как задающее меру и масштаб – и в то же время притязают – и в том и в другом случае – на уделение внимания и заботу по отношению к разделяемому ими. Махинативность суще-бытующего встраивает в свои планы занятие культурой как производством – как средство, обеспечивающее силу и власть. Точно так же демократический оптимизм по поводу культуры приписывает себе способность спасения и освобождения масс, и использует технику, и способствует ее развитию во всех его «достижениях». Начинаящаяся эпоха становится исторически безграничным, взаимно подыгрывающим друг другу разворачивания силы и власти метафизически различаемого: суще-бытующего и бытия; и для этого разворачивания силы и власти существенно, чтобы оно для завершения и достижения полноты своей собственной сущности нуждалось в отсутствии постижения смысла самой себя и чтобы все толкования и возвещения своей сущности оно осуществляло указанием на свою противоположность своим оппонентам-контрагентам, которая всякий раз – только кажущаяся и поверхностная.

Самое неприятное – которое уже есть знамение без-дно-основы – есть то, что в этом процессе суще-бытующее бытия отбивается-отделяется и прибавляет в несокрушимости, не позволяющей противостоять ему – и это удастся ему тем более, чем более неумолимо его занятия культурой и его идеалы вынужденно делаются всего лишь выходами вон, опиумом и негодными средствами какого-то пустого сопротивления, которые не могут возыметь эффекта.

Так возникает историческое состояние, в котором пра-бытие уже больше не выглядит как нечто эфемерно-летучее и призрачное, вроде самой бледной тени некой пустой мечты; пра-бытие – это отозвавшийся эхом последний отзвук всего лишь звука слова – и вопрос вослед? даже не заблуждение – только безразличие.

12. Изначальное мышление, которое создает готовность...

Изначальное мышление, которое создает готовность к выбору между положением основы истины пра-бытия и допущением полной разнузданности махинативности суще-бытующего, будучи уже выдвинутым за пределы той эпохи, в которую только начинается его завершение, находится в особых условиях.

Такое мышление не вправе манить какой-либо успех или отпугивать какая-то неудача; таким постижением смысла не может двигать какая-то надежда, и никакая безнадежность не может подавлять его. Единственно необходимостью не выбранного с самого первоначала – вот причина мыслительского постижения смысла. Эта необходимость не имеет ничего общего от простой неотвратимости «судьбы», она есть перенятое освобождение в бедственном положении пра-бытия, что оно *сущит* как *необходимящее*.

Однако эта причина разворачивает свою причиняющую силу только тогда, когда это мыслительское постижение смысла проистекает из знания «определенного» Вот-Тут-Бытия (происхождение которого уходит в историю пра-бытия): мыслить так, словно пить долгими и жадными глотками, мыслить об истине пра-бытия и этот путь мысли изредка прерывать кратко набросанным тезисом о пра-бытии истины.

В мыслители, которые пребывают «в курсе» будущего, годится только тот, кто способен снова и снова проходить в молчании такие дальние пути, о которых не принято распространяться. Тот, кто не продвинулся в этом и никогда не признавал порога, на котором происходит преобразование-превращение человека в Вот-Тут-Бытие в краткое время сильных потрясений всех временных пространств сущности – тот не знает, что значит мыслить.

Коридоры-проходы к обоснованию истины пра-бытия временами подходят к утраченным пунктам, намечая границы человеческих возможностей – и дают в этом свойстве своем гарантию, что однажды они прольют свет на пространство игры времени и тогда разрушить эту возможную опору уже не сможет никакое суще-бытующее.

Только тогда, когда эта история (Geschichte) экстрадиции существенных мыслителей этого начала перейдет от порчи их к знанию их, философия будет избавлена как от приукрашивания, так и от унижения, которые практикует история (Historie); ведь тогда она обретет единственно подобающую и сообразную ей самой основу – ее собственную необходимость как прыжок вперед в единственность-уникальность пра-бытия. Она включится в игру в игровом пространстве времени пра-бытия ее истины. Таким образом, она не принадлежит ни богам, ни человеку, ни есть нечто, произросшее из земли, ни нечто, образованное миром; оно есть середина перекрестия всего суще-бытующего – в смысле не знающего основы и дна коловращения, хранящего в себе все и всяческое простое сомнительное, достойное вопрошания.

Она есть знание, определяющее выбор и обретенное в выборе – знание, которое само решается-выбирается пра-бытием. Так проясняется – отрезок за отрезком – и путь изначально мышления, которое столь легко теряло себя в некоторой расколотости:

Следует ли сначала измениться человеку, чтобы, тем самым, через посредство его пра-бытие восприняло об-основание своей истины;

Либо же Первым должно стать то, что само пра-бытие со-бытует истину и вынудит-подвигнет человека к некоторому выбору;

Либо не годно ни То, ни Другое?

Если пожелать сперва взрастить-воспитать в строгости сильный род человека, который годился бы произвести основоположение пра-бытия, то это означало бы – все еще мыслить человека как субъекта суще-бытующего – так, что достаточно было бы всего-то взрастить-воспитать в строгости какой-то другой способ заниматься суще-бытующем, который уже был бы признан всего лишь продолжением до сих пор существовавшего.

А если пожелать понадеяться на просветление пра-бытия сразу же в откровении, то и человек таким образом останется оттесненным в его Прежнее.

Ни расчет-высчитывание, ни пустая надежда не могли бы выдержать-вынести переход, но могло бы выдержать только выраспрашивание, постановка вопроса о крайнем выборе, которая изначально была измыслена в мысли проникающих грядущее – и при этом уже осталась-сохранилась бы для слова пра-бытия.

Поскольку теперь всякое существенное мышление мыслит единственно ради пра-бытия, пути этого мышления повсюду подобны то нерегулярным разбегам перед прыжком, то неоконченным подходам – движениям в Вот-Тут-Бытие – которые сообразны бытию, то есть событийны; они – не описание суще-бытующего, не толкование чувственных образов, а прыжок со-бытования-с-бытием.

III. Философия

(Самопостижение: исторический внутренний конфликт; соответствующее истории бытия мышление – метафизика)

13. Философия

В игре, – в которую в будущем вынуждено будет «вступить» само пра-бытие – на кону стоит то, что еще никогда не стояло на кону в истории мышления: то, что будет выспрошена-расспрошена истина пра-бытия, под эту истину будет подведена какая-то основа, и человек – меняясь и преображаясь – станет в этой основе безосновно-бездонным: это будет трясение не только «земли» и потрясение «народов», но и сотрясение суще-бытующего как такового в Целом. Предстоит единственный выбор: либо пра-бытие выраспрашивается в сущности своей истины, либо суще-бытующее сохраняет свою махинативность и распространяет безвыборность, которая препятствует тому, что когда-либо еще будет предстоять что-то уникально-единственное и наступит какое-то начало.

Правда, всякий разговор о «выборе» (ср. 16. Пра-бытие; 39. Просвет пра-бытия и человек) сейчас легко может пасть жертвой тех опасностей, которое несет с собой это роковое «ключевое слово»; ведь многое, что громко и часто выдается за «решающий выбор», есть лишь фасад давным-давно выбранного – решенного и последствие, связанное с потомством, которое избегает всякого выбора. И все же, всем злоупотреблениям вопреки, должно быть сказано слово о выборе – сказано в виде вопроса: есть ли это выбор¹⁷ между «бытием» и «небытием», то есть между сохранением подручно-наличного, подлежащего продвижению дальше, и прекращением таких воззрений и путей, или же это – выбор, более уходящий вглубь, к изначальному: выбор между пра-бытием и суще-бытующим изначальный (ср. 39. Просвет пра-бытия и человек). Ведь этот выбор не есть выбор относительно «бытия», а только выбор, касающийся только спасения или утраты все же без-вопросного в своем бытии суще-бытующего (Все-Жизни современной озабоченности культурой и властью).

Безразлично, заслуживает ли выбора, «бытийствуем» мы или «не бытийствуем» – качестве народов и индивидов этой эпохи – или, заполучив надежное обеспечение гарантированности этой «жизни»; заполучили ли мы надежное обеспечение этой «жизни» или просто отдаемся течению эпохи и ее внутреннему упадку при кажимости разворачивания силы и безграничного изобретательского «искусства» и безграничной способности обустроиваться. Раз-выбирая, если угодно, означает – только и делая впервые единственный выбор и разворачивая его, определяя жребий будущего – означает всего лишь: либо пра-бытие само (пра-бытие всего возможного суще-бытующего в целом) прежде придет в свою обоснованную истину, либо оно будет затеняться и вообще покрываться ночной тьмой, наводить которую будет одна лишь чистая действительность и действенность суще-бытующего. Выбор этот не есть выбор выбирающего между «бытием» или «небытием» человека, а выбор между истиной бытия того или сего и всякого иного возможного сущебытующего – и махинативностью покинутого бытием сущебытующего в целом.

Выбор принадлежит к сущности самого пра-бытия и не есть нечто, сделанное человеком, потому что он сам воспринимает-принимает всякий раз из этого раз-выбирания и отказа от него как невозможного основу и основополагательское своей сущности либо суетливо-деятельное и быстропреходящее в ней. Вы-раз-бирает пра-бытие; в своем сущении и как таковое оно отвязывается, раскрепощаясь, в со-бытии-с-бытии; (выбор не подразумевает здесь осуществляемые задним числом переменчивые занятия принципиальных позиций).

Как отказ-неприятие, оно вырывает себя из всякого разделения сущебытующего, подлежащего разделению по видам; оно уже больше не позволяет называть себя «метафизическим» – как бытие «этого» сущебытующего, уравниваемого с ним или предпосылаемого ему либо даже признаваемого второстепенным, заднеплановым по отношению к нему.

¹⁷ Что значит – выбор (Ent-scheidung)? почему этот и в пользу чего?

Пра-бытие есть выбор по отношению к себе самому как без-основной пропасти – и, таким образом, не поддающаяся обоснованию острая потребность в необходимости всего и всяческого обоснования – и посредством этого сокрытое торжество Вот-Тут-Бытия, а потому – существенные места возможной истории человека, потому что далее – безосновность пропасти как хаос (зияние как удержанный зевок) богов (ср. ниже С. 83).

Первое и самое долгое, что следует знать философии на будущее – то, что пра-бытие должно быть основано, исходя из ее истины.

Поэтому постижение смысла философией вынуждено основываться на ней самой, то есть на том, что должно быть развито в мысли в ней – столь решительно, как никогда прежде, это должно быть постижением смысла ее «времени». Ей надобно знать Сегодняшнее – но не как принадлежащее к какой-то «исторической ситуации» и потребное для достижения целей практического способствования чему-то и видоизменения чего-то, а как существенные знаки-намеки, подаваемые сущностью современной эпохи, рассмотренной в свете истории пра-бытия. Единственно, что и это постижение смысла служит не какому-то расчету, только более широко задуманному, или даже «выделению типов» «мировых эпох», а единственно отзвуку самого бытия, который дает знать о том, что оно – как махинативность сущебытующего в целом – покинуло содеянное им самим и отказалось от увлеченности им как «жизнью» – так, что в тишайшей тиши и покое стало готовить то, в чем испытывает острейшую потребность – потребность, скрытую под деланной беззаботностью – потребность в выборе ценой разрыва. От этого выбора – от самого пра-бытия – и со-бытуется философия как со-бытие – в той мере, в какой она становится подлинной философией по сути – как вы-раз-думыванием пра-бытия (ср. ниже С. 357); она сама принадлежит без-основности пра-бытия и остается чуждой во всей и всяческой «культуре». Только вот одно-единственное: если на кону в игре стоит этот выбор «этого» пра-бытия между бытием и сущебытующим и пра-бытие способствует основоположению своей истины и способствует тому, чтобы вообще еще и снова сущиться открыто в публичном, представлять как мышление человечеством пра-бытия, то философия вынуждена будет снова стать началом в истории бытия и для него. Для того, чтобы стать таким началом, она должна иметь хотя бы малейшее представление о том, что она обладает сообразным сущности и правомерным достоянием своей собственной необходимости. Она обретает для себя это достояние единственно посредством постижения смысла самой себя. Она не вправе поддаваться принижающей иллюзии, которая сопутствует всякому постижению смысла – что оно, якобы, всегда есть следствие нерешительности, желания оттянуть выбор и прикрытие неспособности к действию.

Мы еще мало знаем в наших оценках о деятельном характере мыслительского мышления; мы еще не разгадали полностью ту загадку, что философия часто и легко определяется, исходя из отблеска-отражения чуждого ей (учености, мудрости), что она сама, вероятно, разбужена им и обусловлена им в своем составе-содержании. В постижении смысла философия отваживается проникнуть в определение пред-посланного ей – того, что должно быть раз-мысленно в ней и через посредство ее, и что должно быть в силу этого мышления положено основой в Вот-Тут-бытии, чтобы таким образом спасти человеку тайну его сущности, но не уничтожить и не развезать ее.

Откуда же, однако, это мышление берет указание на свой образ мышления? Откуда – если не из самого вы-раз-думывания! Но как, спрашивается, даруется указание на вид мышления еще до того, как начинается это выраст-спрашивание? Не верна ли здесь с самого начала – и если верна, то почему – старая пословица: τοῖς ὁμοίοις τὰ ὁμοία γινώσκεισθαι¹⁸ – «Лишь посредством подобного (и только) приносится в знание подобное»?

¹⁸ Ср. Aristoteles, De anima (Biehl/Apelt). Leipzig (Teubner) 1911. A 2, 405, b 15.

Пра-бытие выступает как это решающее-выбирающее перед мышлением – и оно постоянно есть самое достойное вопрошания сомнительное. Подобрать этому может быть лишь высочайшее оценивание-признание, та способность набрасывать-рисовать великое еще более великим, чтобы оно прибавляло и прибывало, тем самым, в своем величии. Ведь только великое обладает способностью становится еще более великим, в противоположность чему малое выдает свою сущность в том, что оно всегда преуменьшает ее, пусть даже и «только лишь» так, что оно всякий раз заявляет претензию на великое как на свое. Наиболее чистое возвеличивание – это признание-оценка, в котором признаваемое-ценимое полностью принадлежит ему самому. Поэтому спрашивание в смысле вы-рас-спрашивания наиболее сомнительного-достойного вопрошания – это вовсе не тщетная назойливость, а упрощение всего знания в единственное мыслительское признание и оценивание по достоинству не есть ни попытка втереться в доверие, ни превзойдение, но – спор как *установление, исходя из взаимного общения*, которое вынуждено отважиться удовлетворить собственную существенную настоятельную потребность. Установление-из-взаимного-общения-в-споре выставляет-подставляет вопросы пра-бытию так, что оно оценивается как спрошенное и перенимает свой ответ, вкладывая его в основоположение Вот-Тут-Бытия.

Человек входит в постижение смысла, вопрошая пред собой об истине пра-бытия – и таким образом вбирает-воспринимает его «само» в проистекающее отсюда изменение сущности: в близость превращения в Вот-Тут-Бытие. Постижение смысла есть в то же время освобождение от «свободы» «субъекта», от свернувшегося в себя разчеловечивания человека. Постижение смысла есть преодоление «разума» – будь то в виде простого опроса-внимания предзаданному будь то в виде рассчитывания и объяснения (*ratio*), будь то в виде планирования и обеспечения гарантированной безопасности. Для «разума» остается недоступной суть истины; он есть всегда лишь поверхностное мышление, обращенное к сущее-бытию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.